

«СТИЛИЗАЦИЯ» БИОГРАФИЧЕСКИХ ТРАЕКТОРИЙ ЧЕРЕЗ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИКОВ

В современном обществе традиционные механизмы социальной структуризации дополняются новыми «стилистическими» факторами. Эти факторы основаны на различиях в стилях потребления, порождающих новые стили жизни и новые стилевые группы.

Вопреки постоянным законодательным ужесточениям потребление наркотиков становится в России относительно «рутинизированной» практикой. Это связано как с разнообразием самого наркорынка, так и с дифференциацией функций и смыслов потребления разных видов наркотиков, с возможностью «стилизации» жизни через него. В статье рассматриваются биографии индивидов как совокупности континуумов, каждый из которых особым образом структурирован под влиянием потребления наркотиков.

Ключевые слова: социальная структуризация, стили жизни / стили потребления, потребление наркотиков.

В России и, в меньшей степени, на Западе, принято изучать скорее наркозависимость как количественно измеряемую крайнюю форму потребления наркотиков, нежели повседневные / рекреационные практики, не имеющие негативных последствий как для самих потребителей, так для окружающих. Во многом такая «однобокость» дискурса наркопотребления является следствием государственной политической контрпропаганды, делающей акценты на медицинских и криминальных последствиях крайних форм потребления, в основном, инъекционных наркотиков. В последние годы государственный дискурс в России направлен еще и на универсализацию потребления и потребителей любых видов наркотиков. Это, в свою очередь, можно связать со смещением акцентов в мировом дискурсе, распространением практик декриминализации потребления отдельных или всех видов наркотиков. Практики декриминализации признаются эффективными. Самый старый и первый пример — Нидерланды, 10-летний опыт Португалии, признанный эффективным (10 лет после легализации... 2013), пример Чехии, недавно ступившей на этот путь, распространение в США легализации употребле-

Дмитриева Александра Владимировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник ЦНСИ (alexandra.dmitrieva.uni@gmail.com).

ния марихуаны по назначению врача. Ответом на «разлагающее» влияние Запада в России становится ужесточение законодательства, появление «молодежного антинаркотического спецназа» (Мельников 2013) и применение других универсализирующих и рестриктивных мер.

Применение качественной методологии, отказ от следования политически-ангажированным стратегиям исследования позволяют делать более широкие выводы о потреблении разных видов наркотиков. Внутри каждой из разнообразно дифференцированных групп потребителей наркотиков формируются отдельные подгруппы, в частности, возникают «компетентные» потребители — образованные профессионалы, противостоящие усилиям государственной власти в их социальном исключении. Исследованию «социально интегрированных» потребителей наркотиков, осознающих риск и контролирующих собственное потребление, серьезное внимание уделяют западноевропейские социологи (Calafat 2001; Hirst, McCamley-Finney 1994; Pape, Rossow 2004; Rødner 2005; 2006). В конце 1990-х — середине 2000-х гг. и российские исследователи обратили внимание на процессы институционализации и нормализации потребления наркотиков в молодежных кругах, вплоть до рекреационного употребления героина в российских городах (Нормальная молодежь... 2005; Пилкингтон 2006). Однако в российском научном дискурсе процессы нормализации потребления наркотиков скорее связывают с формированием маргинализированных наркотических субкультур, негативно сказывающихся на развитии общества и отрицательно воспринимающихся обществом. Попытки дифференцировать потребление разных видов наркотиков еще со времен Г. Беккера принято ограничивать противопоставлением практик потребления «тяжелых» инъекционных наркотиков практикам повседневного потребления марихуаны (Бартенев 2008; 2009; Becker 1953; Hathaway 2011; Brochu, Duff, Asbridge et al. 2011; Goode 1970).

Таким образом, многие аспекты наркопотребления довольно подробно изучены, но они касаются в основном проблемных зон, связанных с разнообразными тяжелыми последствиями зависимостей, как разрушающих потребителя, так и угрожающих обществу в целом. Довольно широко распространенное повседневное (рутинизированное) потребление наркотиков, их роль в современной жизни, как правило, остаются за рамками российских исследований, или их объектом становится только молодежь (Hawdon 1996; Osgood, Wayne, Wilson et al. 1996; Bernburg, Thorlindsson 2001; Measham, Parker, Aldridge 1998). Насколько велико влияние наркотиков на структурирование общества и, наоборот, детерминирует ли сложившаяся социальная структура определенные практики наркопотребления и биографические стратегии «взрослых» потребителей, изучено недостаточно.

Теоретическая рамка

В современном обществе процессы традиционной структуризации дополняются процессами стилевой дифференциации, которые в том числе могут быть основаны на потреблении разных видов наркотиков. Общество оказывается разделенным на тех, кто употребляет, и тех, кто не употребляет наркотиков. Среди тех, кто употребляет, выделяется как группа наркозависимых, чья жизнь целиком определяется логикой потребления наркотиков, так и группа «компетентных потребителей», для которых потребление наркотиков становится «стилем», не мешающим активно включаться в любые сферы социальной жизни. Формируется континуум, на одном полюсе которого гибкие стилевые позиции, а на другом — устойчивый наркотический образ жизни. По определению П. Бурдьё, «потребление обречено функционировать как различительный знак и, если обратиться к признанной, легитимной и подтвержденной дифференциации, — как знак отличия (в разных смыслах этого слова)» (Бурдьё 1993).

Процессы включения / исключения все чаще носят характер смены одного стиля жизни другим: исключаясь из одних отношений или деятельности, индивиды включаются в другие, уже необязательно стигматизирующие предшествующее социальное положение или негативно влияющие на него. Вместо застойной «культуры бедности» (Лыткина 2011; Ярошенко 2006) как следствие резкой смены общества производства обществом потребления возникает «стиль жизни бедных» (Веселов 2011). Стиль жизни, разобранный на детали, зачастую противоречащие друг другу, с нормативистской точки зрения, может содержать множество причин для исключения. Так, профессиональные достижения и высокий уровень образованности без соответствующего высокого стиля потребления, например, пищи или одежды, могут выдавать в индивиде не того, кем он хочет казаться, а того, кем он действительно является (Бурдьё 2008). Это вряд ли исключит его из профессионального сообщества, но может стать поводом присмотреться к нему «лучше» и содержать предпосылки для исключения на межличностном уровне.

Потребление разных наркотиков порождает разные социальные практики и механизмы включения / исключения, которые по-разному отражаются на биографии потребителей. Рассмотренные нами случаи были объединены с помощью разных измерений биографий как совокупности различных диспозиций, структурированных как наркополитикой государства, так и личным опытом информантов. Подробное описание информантами собственных биографий и повседневной жизни в сочетании с наблюдениями автора позволили выделить несколько континуумов, демонстрирующих возможности для перемещения в социальном пространстве от самых общих категорий до более частных.

Выборка

В выборку вошли названные нами «компетентными» «взрослые» (от 30 лет) потребители (15), имеющие длительный опыт употребления наркотиков (от 5 лет), включенные в самые разные сферы жизни, профессионально успешные, имеющие стабильный заработок и интересную работу, друзей и пр.

Для этой группы потребителей разные виды наркотиков и их сочетания задают стилистический характер жизни, который может рационализироваться и меняться, а может переходить в устойчивое состояние образа жизни. При поиске информантов использовался метод «снежного кома», основными критериями выбора информантов были: возраст старше 30 лет, опыт употребления от 5 лет и высокая включенность в основные сферы социальной жизни. Каждому предшествующему информанту предлагалось «передать» автору контакты будущих информантов, соответствующим этим критериям.

Методология

Основным методом сбора данных стало глубинное биографическое интервью, в дополнение к интервью были использованы некоторые заметки по материалам включенного наблюдения из полевого дневника автора.

Мы предположили, что биография индивидов может рассматриваться в трех основных измерениях / континуумах. Континуум «нормативная часть общества / ненормативная часть общества» представляется процессом переопределения практик, осуществление которых само по себе не означает автоматического передвижения к исключению или включению, но отражается на смещении позиций в других системах. Совокупность этих смещений может привести к сдвигам в социальной структуре или в структуре конкретного потребительского поля. Акт потребления наркотиков, не спровоцировавший смещение социальных характеристик индивида, может повторяться на протяжении всей его биографии. Но момент спада / исключения обычно наступает при пересечении с другими полями или агентами, обнаружившими признаки потребления наркотиков. Даже случайное выявление такой потребительской практики приводит обычно к смещению социальной позиции.

Измерение «типы включения / исключения» связано с уровнями социальных отношений, в которых производятся / воспроизводятся процессы включения / исключения: межличностный, межгрупповой (между агентами разных потребительских полей), административно-правовой, медицинский, уголовно-правовой.

Континуум трансформации потребительских практик от стилевых к устойчивым (т. е. от стиля к образу жизни) демонстрирует процесс

перехода привычки к потреблению как управляемой индивидом практики к институционализации потребления, регулирующего жизнь индивида. Тут есть что-то неуловимое — переход от управляемой практики к практике пристрастия, зависимости, которая жестко регулирует жизнь индивида и переопределяется в иных институциональных рамках, чем потребление.

При перемещении от стиля к образу жизни происходит постепенное исключение из нормативных практик параллельно с включением в ненормативные. Получается, что как таковой уровень включенности не может измеряться только позицией на оси «нормативная часть общества / ненормативная часть общества». Однако именно эта позиция указывает на местоположение конкретных индивидов или потребительских полей на горизонтальной оси социального пространства. Чем больше увеличивается включенность в ненормативные практики, тем больше удаление от центра / ядра нормативной социальной жизни.

Результаты исследования

Выделив основные измерения биографии, мы переходим к основным структурирующим биографии и их восприятие факторам, в которые так или иначе «проникает» потребление наркотиков. К ним относятся следующие континуумы: социальное происхождение, включенность в социальные сети, образовательные траектории, профессиональная мобильность, идентификация, поведение, внешность, язык.

Континуум социального происхождения: от самого низкого до самого высокого происхождения, определяющего изначальный вес ресурсов, которые наследуются индивидами, указывающего на превалирование того или иного капитала (или их сочетаний) в отдельных потребительских полях. Эта ось также включает континуум географического происхождения — от столичного до провинциально-захолустного; географическое происхождение может быть особенно значимым как в огромной России, так и внутри большого города (в связи с масштабами страны в целом и крупных городов в частности).

В пространстве города различия происхождения обозначались информантами в категориях «из центра» или «на окраине». Причем факт рождения «на окраине» сам по себе не означает принадлежности к определенному «окраинному» стилю жизни, но позволяет наблюдать практики, по ряду причин более распространенные в этой части города, а не в центральной. Вот как это описывает один из информантов: *«Я рос на окраинах и наблюдал там яркие примеры, так как жил рядом с Красным селом, а оттуда в большом объеме возили героин. И вот я в третьем классе, с рюкзачком, возвращался домой и видел какого-нибудь развалившегося,*

в неадекватном состоянии, героинщика. Я уже тогда понял, что это не мое» (журналист, 30 л.).

Информанты, родившиеся «не в центре», отмечали большую «рискогенность» периферийных районов, как с точки зрения близости небольших пригородных поселений, через которые осуществляется наркотрафик, так и с точки зрения сосредоточения в этих местах представителей «депривированных» стилей жизни, ограничивающихся «функциональным проживанием» жизни. Отсутствие или малая доступность в таких районах культурной и развлекательной составляющей повседневности, в частности, толкает людей к «уходу» в потребление «тяжелых» наркотиков. Между тем другие виды наркотиков больше связаны с необходимостью расширения круга деятельности, специальной инфраструктуры и пр. Такое потребление более свойственно жителям центральных районов большого города, в которые, по словам самих информантов, они стремились / приезжали / переезжали. Один из информантов подчеркнул эту особенность так: «Когда я начал ездить в центр, у меня даже исчезли многие проблемы, например, гонимки из двора, с которыми у меня постоянно происходили стычки, стали по-другому ко мне относиться. Я стал для них совсем другим, недостижимым человеком из другого мира, который тусовался в “Сайгоне”, дружил с музыкантами, пробовал разные наркотики» (рг-директор, 38 л.).

Социальное происхождение определяет первичную позицию индивида в социальном пространстве, но в современном обществе оно оказывается гибким, изменчивым. Как показатель принадлежности к определенному социальному слою, переходящий по наследству, и показатель количества благ, которые в соответствии с этой позицией передаются из поколения в поколение, происхождение все больше утрачивает свой первоначальный смысл. На передний план как следствие «прививки» социального происхождения все чаще выходят вкусовые пристрастия, формирующие стилистические особенности жизни и потребления.

Континуум включенности в социальные сети — общий показатель включенности в разные типы социальных отношений в рамках нормативной и ненормативной частей социального пространства. Следовательно, позиционирование на этой оси указывает на доступность / недоступность ресурсов других полей.

По словам информантов, потребление наркотиков почти всегда подразумевает включение в новые социальные сети либо новые формы участия в тех сетях, в которых информанты уже состояли. Основным механизмом включения в социальную сеть «продажа — потребление наркотиков» являются дружеские связи. Поскольку потребление наркотиков изначально осознавалось большинством как опасная, рискованная

практика, первая проба рационализировалась через факт доверия к опытному другу-проводнику: *«Добрые друзья помогли мне это сделать, долго уговаривая, а потом, контролируя процесс, который происходил непосредственно в этот день»* (архитектор, 42 г.).

В качестве причины повторного приобщения к наркотикам (например, после неудачного или не удовлетворившего ожидания употребления) информантами выделялся фактор появления в дружеской социальной сети новых участников-дилеров, рекомендованных кем-то из друзей: *«Появился хороший, регулярный канал, и мне захотелось понять, что к чему»* (журналист, 30 л.). Довольно часто наркотики становятся фактором пересечения совершенно разных социальных сетей: так, один из информантов, рассказывая о времени обучения в Финансово-экономическом университете, упомянул о том, что *«мне первый раз дал попробовать один художник. А ему пересылал другой художник — шарики пейотля и марки. И тогда это было круто, это было модно, это была реальная возможность заглянуть в другой мир»* (рг-директор, 38 л.).

Обычно потребление наркотиков связывается с досуговыми практиками, такими как походы в ночные клубы, посещение концертов, выезды на природу и пр. Следовательно, досуг также может быть распространенным способом включения в разные сети потребления наркотиков. Причем разные виды наркотиков могут определять разные способы проведения свободного времени, и наоборот, разные способы проведения досуга определяют выбор конкретных наркотических веществ. Как отмечает один из информантов, подчеркивая различия и наркотиков, и досуговых практик: *«Для меня кокаин — это не танцы, а дискуссия»* (архитектор, 42 л.).

Включение в потребление наркотиков через дружеские социальные сети чаще воспринимается как позитивный опыт, поскольку контролируется и сопровождается «инструктажем». Существуют и другие механизмы включения, например, характерные для конкретного исторического периода. Один из информантов, чья молодость пришлась на 1990-е гг., когда были распространены практики «фарцевания»*, отмечает, что *«в том месте, где мы тусовались, одновременно продавали дудку (марихуану) человек 15. С учетом того, что каждый вечер там собиралось, ну скажем, порядка 100 человек, а люди приходящие в основном спрашивали у нас, мы подумали, а почему самим не продавать? Тогда... тогда мы не только продавали дудку. Мы продавали газеты, пиво, да, в общем, все что угодно и как угодно»* (рг-директор, 38 л.). Продажа наркотиков в данном

* «Фарцевание» — распространенные в эпоху «дефицита» практики продажи / перепродажи (спекуляции) вещей (чаще фирменных), выменянных или перекупленных у иностранцев.

случае была одним из способов включения в приемлемые большинством на тот момент отношения. Поскольку торговля в постперестроечный период в основном являлась государственной монополией, все другие практики продажи чего бы то ни было, в том числе и наркотиков, считались и нелегальными, и нормальными одновременно, поскольку были очень широко распространены. А если в спектр продаваемых вещей входили наркотики, это могло придать статусу продавца большую значимость и означало доступ к еще более недоступным для большинства социальным сетям. Кроме того, это подразумевало прибавочную стоимость за издержки, связанные с физически ограниченным доступом к наркотикам. Именно в это время продажа наркотиков в большей степени была синонимом доступа к их потреблению. В условиях ограниченной доступности многие предпочитали сами продавать, чтобы обеспечивать собственное потребление, а не усложнять путь к наркотикам через хитросплетение сетей производителей и продавцов.

Большинство информантов указало на то, что социальные сети периодически проходят «проверку на прочность». Степень включенности в ту или иную сеть определяет количество социальных ресурсов, которые в случае необходимости могут «капитализироваться», т. е. принести доход или снизить расходы. Такая «проверка» может осуществляться в экстремальных случаях, когда происходят столкновения с полицией и потребителям необходимо «сотрудничать» с ней, т. е. соглашаться на условия, которые предлагают коррумпированные сотрудники полиции. Информанты отмечали, что при отсутствии нужной суммы всегда обращались к друзьям, а не к родственникам, например. Полицейские также соглашались, что почти всегда задержанным необходимо время, чтобы «собрать» нужную сумму. Обращение за помощью к родственникам происходило лишь в случаях, когда те работали в правоохранительных органах, однако этот социальный канал имеет ограничения и при частом обращении закрывается.

Континуум образовательных траекторий включает в себя традиционные способы получения образования в предназначенных для этого институциях, а также неформальное образование, которое индивиды получают в процессе накопления жизненного опыта, включения в разные социальные сети, неформальные образовательные организации и пр.

Для большинства информантов процесс получения высшего образования был связан с процессами приобщения к потреблению наркотиков. Особенно часто это отмечали информанты, которые либо жили в общежитии, либо проводили там значительное время. Безусловно, потребление наркотиков в данном случае рассматривается как практика,

осуществляемая в свободное от учебы время. Более того, один из информантов отметил, что был настолько увлечен учебой, что ему было не до наркотиков, — впечатлений хватало и без них: *«учась 5 лет на режиссуре, только на последних курсах позволял себе чего-нибудь там покурить или понюхать каких-нибудь порошков... Очень все интересно, насыщено и разнообразно, и ты при этом делаешь искусство, ты творишь, получаешь массу позитивных эмоций, никаких наркотиков не нужно»* (рг-директор, 38 л.). В некотором смысле это высказывание объясняет и одну из причин приобщения к потреблению наркотиков как способа реализации эмоций, творческого потенциала и пр. В этом существенен и социальный подтекст, жесткость социальной структуры, ограничивающей разные виды мобильности, что приводит слабoresурсных индивидов и целые группы к поиску «другого мира» через потребление наркотиков. Однако и это лишь один из «срезов» объяснения социальной реальности.

Помимо досугового потребления, информанты выделяли функциональный смысл потребления психостимуляторов — при подготовке к экзаменам во время сессии, для ускоренной усвояемости материалов и непосредственно на самих экзаменах для красоты ответа. Один из информантов ярко описал, как потребление наркотиков способствует, в первую очередь, уверенности в себе, что, несомненно, является важным фактором успеха, в том числе и в образовательном процессе: *«Ты царь, ты бог, твоя речь льется плавно и свободно, ты можешь разговаривать практически на всех языках мира, шутить, быть искрометным, очаровать любого прохожего... Все что угодно!»* (рг-директор, 38 л.).

Информанты, выделявшие галлюциногены в качестве «любимого» наркотика, отмечали как важный этап биографии знакомство с эзотерической литературой, которая, с одной стороны, вызывала желание «расширить сознание», а с другой — меняла их представление не только о наркотиках, но и о том, как «надо жить», чем интересоваться, какую музыку слушать и т. д.: *«Я ходил в кислотно-зеленой футболке с Буддой, с томиком Кастанеды, начинал слушать регги и рагга-джангл»* (журналист, 30 л.). Для таких потребителей тексты Кастанеды и других авторов стали своеобразной «второй школой», в которой они получали «ненормативное», но важное для них образование, расширяя горизонты восприятия и накапливая культурный капитал.

Важной функцией потребления наркотиков информанты называли возможность в процессе употребления «посмотреть с другой стороны». Эта функция позитивно оценивалась и с точки зрения возможности смены образовательных траекторий. Информанты отмечали, что во многом благодаря эпизодическому «потреблению-встряске» сумели преодолеть страх перед получением нового образования, расставания с неудавшейся карьерой или нелюбимой работой.

Континуум профессиональной мобильности обозначает специфику профессиональных траекторий, которая определяется не только очевидным характером труда (грубое разделение на физический / интеллектуальный), но и особенностями организации трудовой деятельности (от офисной до фриланса), нормативностью / ненормативностью профессий (с точки зрения работников или окружающих).

Профессиональная мобильность всех информантов отличалась гибкостью и пластичностью как в смысле радикальной смены деятельности, так и в отношении перехода в новый режим работы. Важно подчеркнуть, что, как отмечали все информанты, употребление наркотиков в процессе рабочего дня практически недопустимо, особенно если речь идет об офисной работе или работе, связанной с общением с людьми. В этом проявляется рационализация потребления, которая происходит через разделение рабочего времени и свободного, демонстрацию потребления в одних ситуациях и сокрытие в других.

Информанты подтвердили распространенную точку зрения о том, что потребление наркотиков чаще свойственно представителям творческих профессий: *«Это для людей, которые продают продукты своего воображения. Для людей с аналитическим складом ума, продающих не продукты своего воображения, а способность анализировать и собирать из кубиков всякие вещи, не имеет никакого смысла, только в качестве отдыха»* (программист, 43 г.). Для представителей других профессий потребление наркотиков скорее является способом отвлечься от работы, расслабиться и отдохнуть, получить удовольствие.

Примечательно, что в восприятии человека, не сталкивавшегося с потребителями героина, портрет потребителя определяется через приписывание ему неспособности к деятельности: *«Человек сидя спал и о чем-то говорил, т. е. он отвечал невнятно и путано на все вопросы. Было непонятно, что с ним происходит. Потому что вроде и выпил не так много, и я не понимала, что происходит. Ну, была усталость у человека, я на это все списала»* (архитектор, 42 г.). В то же время представители бизнеса, имеющие очень высокий доход, обозначаются как «гипервключенные» в «нетворческую» деятельность — *«ребята занимались бизнесом и им, честно говоря, было не до пустяков. И они не увлекались ничем, тем более что бизнес серьезный и не сильно творческий»* (программист, 43 г.). Они хотя и приобщаются к потреблению наркотиков, но чаще после окончания рабочей недели — на weekend'ах. Такой тип потребления можно обозначить как «синдром выходного дня», известный и распространяющийся и среди российских представителей бизнеса и медийных профессий. Гипервключенность в работу, постоянные переработки, стрессы и пр. приводят к необходимости резкой смены ситуации, полного снятия контроля и ответственности, что довольно часто приводит

к передозировкам, нервным и психическим расстройствам, вызванным не столько чрезмерным потреблением наркотиков, сколько образом жизни в целом.

Многие информанты отметили стимулирующую и концентрирующую функции потребления некоторых наркотиков (амфетамин и марихуана, соответственно). С этой целью наркотики употребляются вне офисной работы, особенно в проектной деятельности, например, перед сдачей отчетов: *«Когда мне нужно было иной раз чертить, вот я работала день, потом ночь и мне еще нужен следующий день, и вечером мне нужно отчитаться о проделанной работе, то, в принципе, это неплохой стимулятор. Но выматывает, после этого надо хорошо выспаться»* (архитектор, 42 г.).

Рационализация потребления наркотиков, которой ежедневно занимаются потребители, через практики соответствия нормативным представлениям об исполнении нормативных ролей позволяет им в основном не выделяться из большинства, не привлекая тем самым внимания к процессам формирования стилистических особенностей их жизни. Информанты отводят потреблению наркотиков вполне конкретную сферу своей жизни, скрытую от глаз и понимания общественности и открытую только для представителей сообщества. Однако в повседневности некоторые отпечатки стиля могут считываться другими людьми (чаще, конечно, представителями сообщества потребителей) через, казалось бы, малозаметные детали. Стиль становится заметным, проявляясь «отпечатками» на следующих континуумах индивидуальных микропроявлений: континууме идентификации, поведения, языковом континууме.

Континуум идентификации указывает на протяженность пути от «игр идентичностями» и стилями жизни, попыток самоопределения и дистанцирования от негативных обозначений / самообозначений до принятия стигмы и самостигматизации.

Первоначальным способом самоидентификации наших информантов стало определение себя как *потребителей наркотиков* и дистанцирование от «наркозависимых», к которым обычно причисляют потребителей опиатных наркотиков или тех, кто употребляет наркотики инъекционно. Группа потребителей таких наркотиков конструируется как источник зла, из-за которого стигматизируются все агенты пространства потребления наркотиков. Потребление героина ассоциируется с повышенными рисками заражения опасными заболеваниями через зачастую мифологизированные негигиеничные условия потребления. Чем выше мы поднимаемся по «потребительской лестнице», тем больше становится дистанция от героиновых потребителей, которые сегодня

конструируются как явные аутсайдеры даже в пространстве потребления наркотиков. Один из информантов так формулирует различия между богатыми и бедными, определяющие и дихотомию потребления — героина как наркотика для бедных и кокаина как наркотика для богатых: *«Люди, которые хорошо зарабатывают, начинают не то чтобы быть уверенными в том, что если вокруг них люди, зарабатывающие меньше их, — лузеры, но слегка эта мысль мелькает. Во всяком случае, те люди, которых я близко знаю, избегали общения с теми людьми, которые не добились по разным причинам успеха, измеряемого деньгами или положением, или известностью, в основном, деньгами, они привносят определенный диссонанс в компанию людей зарабатывающих»* (программист, 43 г.).

Потребители кокаина также проводят границу между собой и потребителями героина через различия в способе употребления: *«гламурность в том, чтобы вынюхать дорожку — есть своеобразная, даже в том, что нюхают через купюру. Не то что в подьезде грязном, шприцом, посреди бомжей, вколоть себе неизвестно что»* (программист, 43 г.), а также между собой и потребителями дешевого аналога кокаина — амфетамина — через сравнения качества «продукта»: *«У амфетамина — уж больно химический запах, прямо вот вдыхаешь и чувствуешь какую-то нездоровую химию, как будто порошок стиральный нюхаешь»* (продюсер, 37 л.), через наделение этого потребления символической ценностью: *«Кокаин — это что-то более эстетичное — на стеклянном столике со свечкой...»* (продюсер, 37 л.).

Потребителям галлюциногенов больше других свойственно наделять потребление «мистическими» и символическими знаками отличия, которые через него передаются. Идентифицируя себя с потребителями галлюциногенов, индивиды присваивают себе статус «избранных», «особенных», «познавших больше других». Потребление этих наркотиков всегда сопровождается налетом «шаманизма» или эзотерических учений, связанных с изначальными функциями потребления галлюциногенов — впадением в транс и связью с душами мертвых предков, пришедшими к нам, в основном, из сакральных практик коренных народов Севера и мексиканских шаманов.

Символическое понимание сакрального в гораздо меньшей степени выражено у курильщиков марихуаны. В большинстве случаев курение является аналогом потребления алкоголя и выполняет сходную расслабляющую функцию, но без синдрома похмелья. Но поскольку курению изначально приписывались сходные с потреблением галлюциногенов смыслы, среди потребителей до сих пор встречаются те, кто выделяет свои практики как сакральные и дистанцируется от «рутинного», «бездумного» потребления марихуаны и ее производных, «чтобы посмеяться». Один из информантов, объясняя, почему он перестал общаться

с другом детства, подчеркивает, что их «развели» смыслы употребления: *«Мы с ним иногда накуривались, но мне не очень нравилось, потому что он не понимал какой-то психоделичности, а он по-прежнему хотел посмеяться. А я все больше накуренным молчал, созерцал, думал, иногда закидывал какие-то фразы»* (журналист, 32 г.).

Потребление «экстази» репрезентируется как сугубо досуговая практика, осуществляемая для стимулирования «танцевального» настроения в ночных клубах. Необходимость принимать «экстази» в других ситуациях чрезвычайно маловероятна. Потребление «экстази» не обладает функциональностью амфетамина или престижностью потребления кокаина, сакральностью потребления галлюциногенов или марихуаны. Скорее потребление «экстази» является приятным способом времяпрепровождения, активизирует гедонистические потребности индивидов в самолюбовании, признании другими людьми и т. д.: *«Рост у меня 1.62, я хрупкого телосложения, но в тот день после всего съеденного мы пошли прогуляться в магазин, вдруг через несколько минут я поняла, что я модель. Я — невероятно тонкая, высокая и очень сильно красивая. Я ходила по магазину, теребила своего друга за рукав и говорила: “Посмотри на меня, я же модель! Посмотри, как я прекрасна!”»* (дизайнер, 32 г.).

Континуум поведения наравне с континуумом внешности в повседневной жизни является основным источником информации о том или ином индивиде или поле. Незаметные для одних или очевидные для других особенности поведения и внешности указывают на стилистические и потребительские предпочтения. Отклонение от нормативной модели может быть способом выделиться и восприниматься положительно, но может становиться и сигналом об исходящей опасности. Континуум внешности включает в себя различные категории: от прямых указаний на состояние здоровья или болезни (от цвета лица, состояния тела до следов от уколов, инвалидности и пр.), до континуума проявлений того, что скрывает тело, — косметики, одежды, украшений, совокупность которых в каждой социальной ситуации может восприниматься по-разному.

Легко заметным способом конструирования стиля становится выделение себя среди других через необычные стрижки и прически. Наиболее яркими примерами являются дреды как символ причастности к расафарианству (религии, обозначающей потребление марихуаны как способ поклонению богу Джа) и ирокез, традиционно воспринимающийся как символ протеста, пришедший из панковской субкультуры. И то, и другое в глазах обывателя — признаки отклонения от нормы, а потребление наркотиков становится наиболее простым и распространенным способом объяснения таких отклонений. Любая нестандарт-

ная, ненормативная внешность может символизировать потенциальную опасность, поскольку таит в себе непонимаемое и неизведанное.

В процессе исторических изменений многие субкультуры и контркультуры, а также способы их «отпечатывания» в повседневности проявляют тенденцию к нормализации. Даже пятилистник марихуаны как очевидный символ, отсылающий к ее потреблению, размноженный на тысячах однотипных футболок, сумок или кепок, приобрел характер массового продукта, потреблять который могут даже дети. Идеология общества потребления, с одной стороны, ведет к «размножению» однотипных потребительских практик, с другой, диктует необходимость выделения из толпы потребляющих и одновременно — необходимость подчеркивания уникальности отдельных товаров и услуг на рынке однотипных товаров. Однако даже в этом обществе существуют определенные представления о норме, которые позволяют одних определять позитивно как «экстравагантных», других — негативно как «сумасшедших» или «неадекватных». Это тонкое различие на практике обычно связано с тем, насколько необычный внешний вид или поведение проявляются в процессе взаимодействий. Если они становятся органичными проводниками или «аккумуляторами», то наделяются знаком «+», если нарушают нормы, то знаком «-». Так, в полевом дневнике, отражающем процесс общения с одним из информантов, эти тонкие различия были наглядно обозначены следующим образом: *«Он почему-то был в парике, больше напоминавшем казахскую войлочную шапку, как ни странно, весьма органично на нем сидевшую»* и *«Периодически он доставал связку колокольчиков, “чтобы прочистить ауру”». Долго звенел, после чего мы опять продолжали разговор»*. И первый, и второй случай могут быть описаны в терминах описания таинства, в рамках которого подобное поведение естественно. В ситуации же интервью прерывание его звоном колокольчиков скорее воспринималось как нарушение интеракции, т. е. как негативное явление.

«Отпечатки» потребления наркотиков на внешности скорее стереотипизированы, чем очевидны: одни и те же особенности могут быть как признаком употребления наркотиков, так и признаком усталости, возбуждения, болезни или других состояний организма. Полицейские, осуществляющие досмотры возле метро или на улице, чаще всего пользуются набором характеристик, которые заранее определены и указывают на «подозрительных личностей». Чаще всего злоупотребление наркотиков описывается следующим образом: *«Он тоже очень плотно употреблял, но еще больше, сильнее, он меня даже пугал. То есть в 17 лет у него уже были видны изменения его личности, изменения физического состояния, впавшие глаза, высушенная кожа»* (журналист, 30 л.).

«Компетентные» потребители много рассказывали о своих способах рационализации потребления наркотиков, важным пунктом которой является сопоставление «трезвого» состояния и состояния «после употребления». Боязнь потерять контроль и стать «заметным» для окружающих через изменения внешности или поведения описывались так: *«Я настолько контролировала свое состояние, что со мной не происходило вообще ничего, потому что, попробовав, я ждала и думала о том, какие изменения происходят со мной, пыталась, вернее, их найти. В итоге это ничем абсолютно не заканчивалась, и где-то раз в пятый произошло состояние, которое я называю состоянием “сибирской кошки”. Я стала аморфной, в голове крутились мысли, а сказать я их боялась, потому что мне казалось, что речь моя будет бессвязной, мне даже было стыдно. В итоге я поняла, что по складу своего характера я чересчур активный человек и люблю, когда я активная, и очень не люблю состояние депрессии, а тут получилось, что я искусственно себя в это состояние втянула»* (архитектор, 42 г.). В условиях жесткой стигматизации со стороны государства и общества осознание рисков и последствий потребления заставляет потребителей подтверждать свою «компетентность», осуществляя постоянный «рефлексивный мониторинг» собственных действий. Информант — представитель поля потребления галлюциногенов — описывает особенности, свойственные в большей степени этому полю (потребители галлюциногенов редко становятся пациентами наркологии, зато чаще других оказываются в психиатрических отделениях), но также и всему пространству потребления: *«Когда ты понимаешь гораздо больше, жажда этого понимания может привести к катастрофическим последствиям. Ты перестанешь понимать, где сказка, а где быль, и начинаешь вести себя... люди называют это — неадекватно. Но если есть понимание, что все хорошо в меру...»* (рг-директор, 37 л.).

Языковой континуум обозначает границы понимания между представителями нормативной и ненормативной частей общества. Процесс присвоения общеизвестным явлениям новых названий в рамках коммуникаций в конкретном поле не всегда означает принятие всеми участниками этого поля новых правил и обозначений. Крайний же переход от «языка большинства» к непонятному для него «языку меньшинства» может означать потерю понимания, отдаление и дистанцирование.

Процессам формирования языковой культуры и сленга в отдельных сообществах посвящено довольно много филологических и микросоциальных исследований. Так называемый «наркоманский сленг» часто становится объектом контрпропаганды и дидактических материалов, призванных при обнаружении сходства реальности с представленным описанием «предупредить беду». Подобно описанию внешности, сленг

становится способом выявления и определения представителей пространства потребления наркотиков: как для контролирующих органов, так и для тех, кто не употребляет.

По словам информантов, сегодня специфический язык потребления наркотиков практически растворился в повседневной жизни, за исключением специального телефонного языка, которым пользуются для того, чтобы не попасть под подозрение полиции или ФСКН при обсуждении покупки или продажи наркотиков. Чаще всего сленговым аналогом обычных обозначений становятся названия, которые косвенно указывают на разные характеристики разных наркотиков. Наиболее принятое обозначение процесса употребления каннабиноидов — «есть почитать?» или «пойдем почитаем», что указывает на эффект концентрации во время потребления. Кокаин чаще всего обозначается как «первый» или синонимами «первого», очевидно, что такое обозначение свидетельствует о высокой стоимости, престиже и пр. Таблетки «экстази» чаще всего обозначают как «круглые», указывая на форму, а не на смысловое содержание и т. д. Сегодня «компетентность» потребителей измеряется в том числе владением специфическим языком, который служит не для «разговора на одном языке», а для обеспечения безопасности.

Выводы

Различие репрезентаций наркопотребления на макро- и микроуровнях проблематизирует понимание структуры пространства потребления наркотиков и создает объективные сомнения в легитимности доминирующей на данный момент позиции государства по отношению к потреблению наркотиков. Усилия государства, направленные на борьбу с потребителями, оказываются эффективными в первую очередь в отношении потребителей опиатных наркотиков, которые и без того постоянно подвергаются стигматизации и исключению со стороны других потребителей и существенным образом самостигматизируются. Потребители остальных наркотиков в силу существующего универсального законодательства также априори находятся в рискованном положении. Однако их позиции по отношению к реальному риску определяются их позициями в пространстве распределения различных капиталов и ресурсов. А универсальное законодательство хоть и ставит всех потребителей в одинаковое положение, но не учитывает, что именно различия позиций самих потребителей позволяют разными способами избегать эффекта универсализации, социального исключения и стигматизации.

Индивидуальные, на первый взгляд, характеристики поведения индивидов существенно опосредованы интерактивными социальными смыслами и опытом. Закрепление определенной нормативной модели

существования человека в обществе, с одной стороны, структурирует поведение, с другой, создает возможности для «встраивания» собственного поведения в эту модель. Рационализация практик потребления разных видов наркотиков и их отражений, сопоставление с общепринятыми нормами и правилами позволяет «компетентным потребителям» перемещаться и балансировать между включением и исключением, «отрабатывая» стиль жизни «текущего» человека. В разнообразно дифференцированном социальном пространстве различие становится одним из основных критериев для понимания не только структурных характеристик потребления наркотиков, но и общества в целом.

Литература

- Бартенев А. Г.* Восприятие образа наркотизма и потребителя наркотиков // *Бартенев А. Г.* Восприятие образа наркотизма и потребителя наркотиков населением Республики Татарстан: результаты социологического исследования, 2008. [www.narkotiki.ru/research63_74.html].
- Бартенев А. Г.* Наркотизация российской молодежи: дифференцированность наркотических практик: социологический анализ. Канд. дисс. к.с.н. Нижний Новгород, 2009.
- Бурдые П.* Социология политики // Социальное пространство и генезис «классов». Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
- Бурдые П.* Различение: социальная критика суждения. Пер. Кирчик О.И. // Экономическая социология. 2008. № 3. Т. 6.
- Веселов Ю.В.* Бедность по русски // Аргументы и факты. 2011. № 51. [www.spb.aif.ru]
- Лыткина Т.С.* Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 4. № 1. С. 87–109.
- Мельников С.* Охота к охоте // Огонёк. 2013. № 13 (5273). 08.04.2013. [<http://www.kommersant.ru/doc/2160897>]. Режим доступа: 26.04.2013.
- Нормальная молодежь: пиво, тусовки, наркотики* / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Изд-во УГУ, 2005.
- Пилкингтон Х.* «Для нас это нормально»: исследование «рекреационного» употребления героина в культурной практике российской молодежи // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 2.
- Ярошенко С.С.* Четыре социологических объяснения бедности (опыт анализа зарубежной литературы) // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 34–42.
- 10 лет* после легализации всех наркотиков в Португалии // Дискуссии. Частный Корреспондент. 14.03. 2013. [http://www.chaskor.ru/news/10_let_posle_legalizatsii_vseh_narkotikov_v_portugalii_31325]. Режим доступа: 26.04.2013.
- Becker H.* Becoming a Marihuana User // American Journal of Sociology. 1953. 59. Pp. 235–242.
- Bernburg J.G., Thorlindsson T.* Routine activities in social context: A closer look at the role of opportunity in deviant behavior // Justice Quarterly. 2001. 18. Pp. 543–567.

Brochu S., Duff C., Asbridge M., Erickson P. “There’s what’s on Paper and then there’s What Happens, out on the Sidewalk”: Cannabis Users Knowledge and Opinions of Canadian Drug Laws // *Journal of Drug Issues*. 2011. 41. Pp. 95–115.

Calafat A. and others. Risk and control in the recreational drug culture / Sonar Project. Palma de Mallorca: IREFREA, 2001.

Confronting drug policy: illicit drugs in a free society. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Goode E. The Marihuana smoker. New York: Basic Books, 1970.

Hathaway A. Cannabis normalization and stigma: Contemporary practices of moral regulation // *Criminal Justice*. 2011. 11. Pp. 451–469.

Hawdon J. Deviant lifestyles: The social control of routine activities // *Youth and Society*. 1996. 28. Pp. 162–188.

Hirst J., McCamley-Finney A. The place and meaning of drugs in the lives of young people. Health Institute Report. No. 7. Sheffield Hallam University, 1994.

Measham F., Parker H., Aldridge J. The teenage transition: From adolescent recreational drug use to the young adult dance culture in Britain in the mid-1990s. // *Journal of Drug Use*. 1998. 28. Pp. 9–32.

Osgood D., Wayne J. K., Wilson M., O’Malley J., Bachman G., Johnston L. Routine activities and individual deviant behavior // *American Sociological Review*. 1996. 61. Pp. 635–655.

Pape H., Rossow I. Ordinary “People with “Normal” Lives? a Longitudinal Study of Ecstasy and other Drug use among Norwegian Youth // *Journal of Drug Issues*. 2004. 34. Pp. 389.

Rødner S. “I am not a drug abuser, I am a drug user”: A discourse analysis of 44 drug user’s construction of identity // *Addiction Research and Theory*. 2005. 13 (4). Pp. 333–346.

Rødner S. Practicing Risk Control in a Socially Disapproved Area: Swedish Socially Integrated Drug Users and Their Perception of Risks // *Journal of Drug Issues*. 2006. 36 (4). Pp. 933–952.